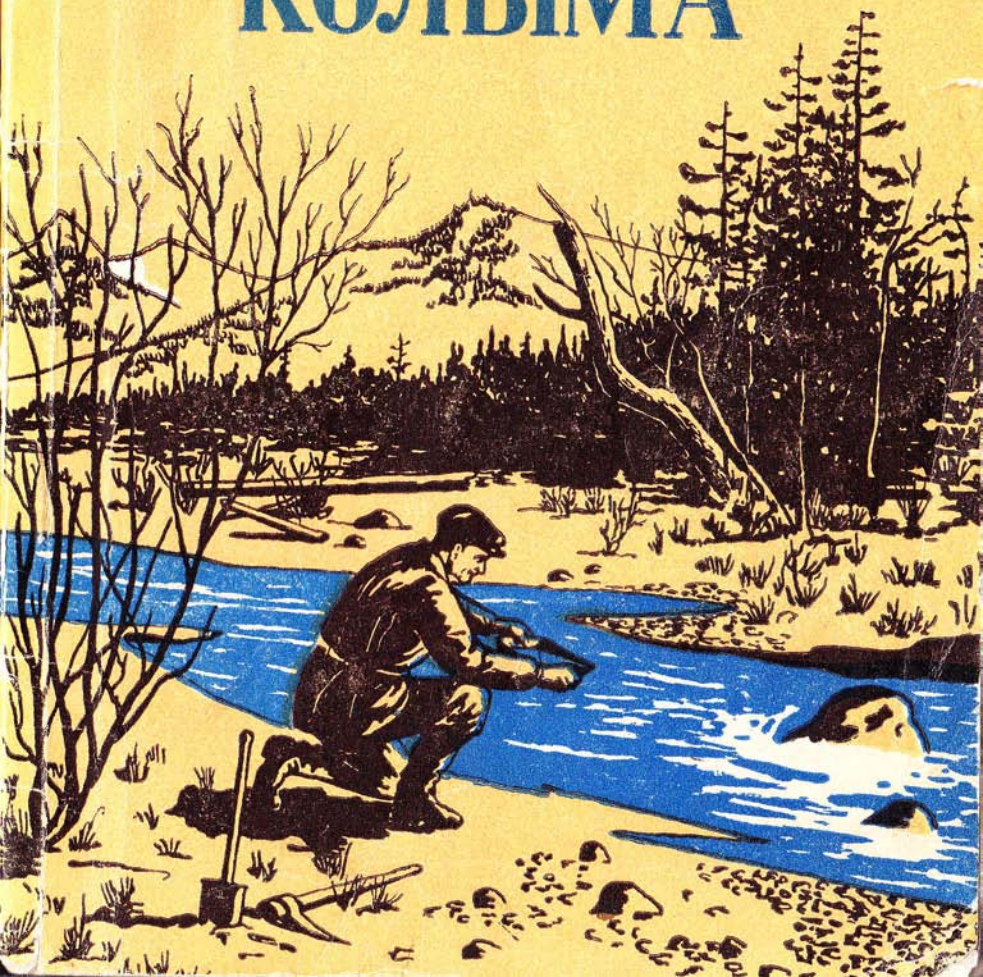

Р2
Г453

И. ГЕХТМАН

ЗОЛОТАЯ КОЛЫМА

И. ГЕХТМАН

НИНГОХРАЩЕНИЕ

P2
1453

З О Л О Т А Я К О Л Ы М А

Очерки о прошлом

14027
+

МАГАДАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В книжку «Золотая Колыма» включены некоторые очерки И. Е. Гехтмана из одноименной книги, изданной в 1937 году в Хабаровске.

Автор этих очерков Исаак Ефимович Гехтман (1895—1938) — журналист. Он начал свою литературную работу с первых лет Советской власти. До 1923 года жил во Владивостоке, где выступал в местной печати с фельетонами под псевдонимом Бен-Гали, затем работал фельетонистом в тбилисской газете «Заря Востока». Сергей Есенин, сотрудничавший в то время в «Заре Востока», посвятил Бен-Гали несколько строк одного из своих шуточных стихотворений¹. С 1927 года, переехав в Москву, И. Е. Гехтман стал сотрудничать в «Крокодиле» и других центральных периодических изданиях. В тридцатых годах, став членом Союза писателей СССР, он успешно работает в области создания произведений сценического жанра: комедий, скетчей, рассказов для эстрады и др.

Последние годы своей жизни И. Е. Гехтман посвятил Дальнему Северу. Работая в редакции газеты «Советская Колыма», Гехтман побывал в разных уголках Колымы и Чукотки. Его очерки и рассказы о Колыме печатались в журналах «Новый мир», «Советская Арктика», «На рубеже», «Дальний Восток», а потом были объединены в отдельную книгу.

---

¹ См. журнал «Звезда» № 2, 1958 год, стр. 159.

Публикуемые в настоящем издании очерки И. Е. Гехтмана представляют интерес для читателей, так как они освещают некоторые малоизвестные страницы из истории освоения Дальнего Севера.

Тогда здесь еще продолжали бродить одиночки-старатели, искатели счастья и авантюристы, и на колымскую землю вступали первые советские геологические экспедиции, положившие начало освоению огромного края.

*

«К О Р О Л Ь»

В избушке их было четверо — трое мужчин и одна женщина. Четверть спирта, банки с вареньем и маслом, нарезанная квадратиками соленая кета стояли на столе.

Сквозь синий махорочный дым выделялся профиль Берлаги, сидящего на скамье. Берлага рассказывал. Молодая женщина с влажными черными глазами, склонившись вперед, смотрела на него как зачарованная. Она прислонилась грудью к плечу рассказчика. Берлага повернул к ней голову и неторопливо произнес:

— Катя, отодвиньтесь. Вы мне путаете мысли.

— В Киеве существовать можно вполне, — продолжал он. — Я туда в последний раз понал с Вишеры, меня на Вишере почти целый год перековывали. Никак бежать не удавалось, чуть не пропал, пока зимой до Северной дороги добирался.

Возле Перми в международном вагоне мне понравился кожаный чемодан. Снял с вешалки шубу с котиковым воротником, а в ней — билет до Киева. Пришлось поехать в Киев.

Схожу я в Киеве. Вид у меня шикарный. Вроде дипломата: костюм, шляпа с коричневой лентой, перчатки замшевые, желтые. Вдруг подходит к нашему вагону дамочка. Смотрит она вокруг, как будто кого-то ожидает, подходит ко мне.

— Позвольте, говорит, вас спросить. Не вы ли будете товарищ Бутковский?

— Совершенно верно, мадам, отвечаю, я есть Бутковский. К вашим услугам.

— В таком случае, — говорит она, — приветствую вас

от имени моего супруга Бермонта, который сейчас выехал в двухдневную командировку и просил меня встретить вас на вокзале.

— Очень приятно, отвечаю. Так вы супруга Бермонта? Как его здоровье? Как дела?

— Здоров, говорит, совершенно, а дел у него, как у кассира государственного банка, всегда много. Вот и сейчас должен был срочно уехать. Прошу вас заехать прямо к нам.

Поехал я к своему старому «другу». Все идет гладко. Поужинали, выпили, поиграла она мне на рояле. Взял я ее тут крепко за руки, смотрю в глаза и говорю:

— Я, мадам, вовсе не Бутковский. И мужа вашего никогда в глаза не видал.

Она сначала замерла и молчит, а потом шепчет испуганно:

— Так кто же вы такой?

— Я, говорю, — незаконный сын князя Гагаринцева. Специализируюсь на несгораемых шкафах. Извиняюсь, говорю. Пардон. Но как только я увидел вас на вокзале, во мне произошла катастрофа на почве любви. И теперь нет для меня ничего на свете, кроме вас.

С дамочкой этой у нас любовь была. Когда ее муж вернулся, она мне слепила восковку с банковских ключей. Пошел я в банк и занял там сто двадцать тысяч.

Ну, думаю я, после этого нечего вам, Василий Иванович, в Советской республике делать. Специальность у вас тяжелая — медвежатник¹. Рабочий класс этой специальности не любит. Накупил я вещичек всяких и ахнул через границу, в Румынию.

Живу там полгода, живу год. Полиции плачу деньги. Работаю по мелочи в гостиницах, да и то редко. Больше кучу. Постепенно все монеты просадил.

И надо вам сказать, ребята, на родину тянет. По людям своим заскучал, о вишерском изоляторе с удовольствием вспоминать начал. Щец бы теперь, думаю, каши пшенной, в штосс перекинуться.

Решил вернуться в Россию. Но знаю, что плохо мне придется. Угрозыск по ручке меня сразу определил. Знает, чья работа с киевским банком. Рожа у меня тоже заметная. Никуда не скроешься.

¹ Медвежатник — взломщик несгораемых касс.

И тут мне одна мысль пришла. Вскрыл я сейф в румынском банке, получил оттуда двадцать тысяч долларов и махнул с ними обратно через границу.

Явился прямо в киевский угрозыск.

— Здравствуйте, говорю, граждане-начальники!

— Здравствуйте, Берлага, отвечают. Очень приятно. Мы тебя давно дожидаемся. Откуда пожаловал?

— Из Румынии, отвечаю. Из города Бухареста. Привет вам от акул международного капитала¹. Пардон. И, между прочим, разрешите представить двадцать тысяч долларов в полный расчет. Теперь мы с вами квиты. И трогать вас меня не к чему.

Костя-«пролетарий» взвизгнул от удовольствия:

— Ловко, Василий Иванович! Ну и как же? Отпустили?

— Отпустят! — мрачно отозвался Берлага. — Деньги отправили в Румынию, а меня сюда, на Север. На восемь лет.

Берлага достал из-под нар новую бутылку со спиртом, налил всем и, стукнув кулаком по столу, крикнул:

— Гуляй, ребята! Берлага угощает!

Катя подбоченилась и пошла по комнате.

Берлага затянул частушку.

* * *

В покрытое толстым слоем льда окошечко тревожно стукнули. Послышался глухой голос:

— Зекс! Вода!

Жук и Костя натянули полушубки, метнулись на чердак и оттуда через отверстие выскочили в сугроб. Катя залезла под нары.

Дверь открылась. В нее повалили густые клубы пара. Вошли закутанные в тулупы люди. Начальник района и человек в военной форме.

— Здравствуй, Василий, — сказал начальник, расстегивая полушубок, — бузишь все?

— Живу, Евсей Иванович, — кротко ответил Берлага.

Начальник осмотрел стол, покачал головой и обратился к военному.

¹ В 30-х годах, к которым относится время описываемых событий, Румыния была капиталистической страной.

— Отдайте под арест часового. Опять здесь в карцере кутежи и пьянки. Какой же это изолятор?

Берлага усмехнулся:

— Не хватит у тебя стражи, Евсей Иванович. Ты у себя в районе начальник, а я у блатников — король. Куда ни посадишь — меня чествовать будут. Выпьешь, может, стаканчик?

Начальник посмотрел на Берлагу с сожалением.

— Жаль. Из тебя мог бы выйти толк.

— Это твои ребята мне под окно бочку спирта из склада прикатили сегодня? — продолжал он.

— Мои, — ответил Берлага.

— Зачем?

— А ты не думай, что без тебя не обойдутся. Просил я у тебя утром бутылку — не дал. Вот мы тебе и показали, кто над спиртом хозяин.

Начальник сел на скамью рядом с Берлагой.

— Берлага, опомнись, пропадешь ведь. У тебя способности. Иди на работу.

Берлага упрямо сдвинул брови.

— Три года не работал и до конца работать не буду. Пусть себе другие мантулят. Берлага не такой.

— Слушай, Василий Иванович, — снова начал начальник. — Ты ведь из рабочей семьи. Отец у тебя в Донбассе забойщиком был. И тебе не стыдно быть злостным паразитом? Иди на работу, в шурфы. Если хочешь, на аммонал запальщиком назначу. Срок наполовину сократишь. Посмотри, как бригада Чудовного землю копает. Сам нарком оценил.

Берлага пожал плечами:

— Хорошо копает, говоришь? Пусть копает! А папаша у меня действительно неплохим рабочим был. И мамаша — старушка хорошая. Только и отец и мать здесь в землю ничего не закапывали, чтобы мне отрывать.

Начальник прошелся по комнате.

— Ладно, Берлага, придется принять меры посерьезней. Я тебя переведу в настоящий изолятор. Крыса не пробежит. Просидишь там всю зиму. Собирайся!

Берлага лениво приподнялся со скамьи.

— Надо осмотреть его, — сказал начальник, — он всегда с собой оружие протаскивает.

Берлагу осмотрели. В кармане ничего не было.

— Открой рот!

Берлага покосился.

— Открывай!

Берлага разинул рот, сверкнув ослепительными зубами. Начальник ловким движением вытащил прижатое к небу блестящее лезвие бритвы.

— Резаться хочет, — сказал начальник военному, — он уже раз устроил такую штуку. Сделал порез и — в госпиталь. Оттуда бежать — нехитрая штука. Ну, идем.

Берлага схватил табуретку и бросил ее об пол.

— Не пойду! — закричал он. — Убирайтесь к черту! Перековщики! Сдохну, не буду работать!

Глаза его налились кровью. Он сорвал с себя рубашку и, сверкая смуглым телом, выскочил наружу.

Желтая луна дрожала в морозном воздухе. Снег скрипел под ногами. Берлага стоял в сугробе голый по пояс, выставив крутую грудь навстречу легкому, но обжигающему телу морозному ветру.

Глаза у Берлаги сверкали. Руки были сжаты в кулаки.

Проходили томительные минуты. Берлага посинел, но не двигался с места.

— Пропадет сумасшедший! — тихо сказал начальник военному. — Надо взять его отсюда.

— Как его взять? — так же тихо ответил военный.

Начальник подошел к Берлаге и взял его за руку.

— Василий, иди обратно, пропадешь.

Берлага пошел обратно в избушку.

— Пришлите ему врача, — сказал начальник. — И пока не трогайте. Я сам с ним займусь.

Катя выползла из-под нар и бросилась к Берлаге.

— Вася, милый! Что ж ты с собой делаешь!

Все еще дрожа от озноба и волнения, Берлага оттолкнул ее от себя:

— Убирайся! Видеть вас всех не могу.

И, уронив голову на руки, он заплакал глухим, прерывающимся рыданием.

* * *

Северная весна стремительна и бурна. Миллионы тонн снега как будто проваливаются сквозь землю. Реки вздуваются и оживают. Сопки покрываются светло-зеленым бархатным ягелем.

Дорожный участок «Боевой» приступил к весенним работам. Рабочие начали снова тяжелую борьбу с природой.

Медведи убегали все дальше от тревожных свистков, после которых ухали взрывы аммонала, выбрасывающего высоко вверх снопы мерзлой земли.

За медведями по пятам шли колонны автомашин, ползли тракторы, везущие продовольствие, железо, одежду.

Берлага по-прежнему сидел в изоляторе. Его по приказу начальника никто не беспокоил. Изредка ему приносили газеты. Он посерел, осунулся, оброс черной, как смоль, цыганской бородой.

Солнце косыми лучами проникало в мрачную избенку. Весенняя тайга звала Берлагу на волю.

Вечерами по чердачному ходу к нему иногда приходила Катя. Она поступила на курсы медицинских сестер.

— Вася, иди работать, — говорила она. — В шоферы пойдешь... Ты ведь все можешь...

Берлага мрачно усмехнулся.

— Ну и работайте, черт с вами. Я никому не запрещаю.

Однажды начальник снова пришел к Берлаге.

— Ну как, Василий, сидишь?

— Живу, Евсей Иванович.

— Я, знаешь, решил тебя выпустить отсюда.

Берлага усмехнулся.

— Зря, Евсей Иванович. Мне и здесь хорошо. И потом ни к чему это. Работать не буду. Все равно сбегу.

Начальник вытащил из походной сумки географическую карту и протянул ее Берлаге.

— Ну, если хочешь бежать, так вот тебе карта.

Берлага с недоверием посмотрел на начальника, но карту взял.

На карте были изображены огромные пространства, с редкими точками населенных пунктов. Высоко вверх, на добрых пол-аршина, расстилалась пустыня Ледовитого океана. Внизу столь же пустынное Охотское побережье. Слева, на расстоянии, виднелась надпись: Я к у т с к.

Начальник присел рядом с наклонившимся к карте Берлагой и разъяснил ему масштаб. Потом достал из кармана книгу с описанием края и также отдал ее Берлаге.

— На вот, почитай и потом беги, а то пропадешь.

Берлага долго рассматривал карту, потом взялся за книгу.

Книгу Берлага читал всю ночь с увлечением и азартом, отыскивая нужные места на карте.

Два дня спустя он передал просьбу к начальнику:

— Евсей Иванович, пришлите-ка мне еще таких книжек.

Начальник прислал Берлаге «Путешествие Миклуха-Маклая», географический атлас, учебник геологии и еще несколько книг.

Берлага бросил пить и выгнал из изолятора чердачных гостей.

Он корпел над атласом и книгами, изредка тревожно поглядывал на голубевшее весеннее небо, на автомобили, идущие по трассе, и на контору участка.

Возле конторы готовились в путь топографическая и геологическая экспедиции. Седлали лошадей, вешали вьюки, выносили теодолиты, вешки, палатки. Вокруг них с увлечением возилась молодежь, мужчины с дорожными мешками за спиной и женщины, одетые как мужчины.

Однажды молодая женщина-геолог, заинтересовавшись высунувшимся в форточку бледным лицом Берлаги, подошла к окну и спросила его:

— Почему вы сидите, товарищ, в закрытой избе?

— Какой же я вам товарищ? — мрачно ответил Берлага. — Я не товарищ. Я сукин сын.

И захлопнул форточку.

На другой день Берлага попросил, чтобы позвали Евсея Ивановича.

Начальник пришел. Берлага долго молчал, потом несмело сказал:

— Копать землю все равно не буду.

Евсей Иванович чуть заметно усмехнулся.

— Для этого только и звал?

Берлага помолчал снова и нерешительно произнес:

— Пусти меня с ними!

— С экспедицией?

— Ну да! Даю слово, не сбегу.

Начальник посмотрел на Берлагу и ответил:

— Знаю, что не сбежишь.

*

БОРИСКА И САФИ

Суровым был колымский ноябрь. Горы снега под лучами яркого холодного солнца сияли фиолетово-белыми отблесками. Стояла глухая приарктическая тишина, ни один звук не нарушал ее. Мороз достигал пятидесяти градусов.

К устью реки Декдача, впадающей в Колыму, на коротких эвенских лыжах шел человек. Он тяжело переступал по снегу, одолевая, видимо, уже не первую сотню километров. Человек тянул за собой сани, на которых лежали мешок с мукой, связка рыбы, лопата, топор и несколько лотков для промывки золота.

В глубокой долине, где устье реки круто бросалось в сторону, человек сделал привал. Взяв топор, он нарубил дров, выложил четыре костра по углам квадрата и зажег их. Костры пылали, снег таял, обнажая черную мерзлую землю.

Разбросав один из костров, путник начал копать слегка оттаявший грунт. За долгие часы тяжелой работы он углубился всего на несколько вершков. Дальше шел слой вечной мерзлоты, не поддающийся усилиям человека. Он снова развел костер, оттаял вырытый грунт и опять принялся за работу.

Наступила ночь. Далеко в тайге хрипло выла россомаха, гукал филин. Человек слой за слоем скреб каменную землю. К рассвету он вырыл яму всего на поларшина. И опять целый день, иногда отогреваясь у костра, продолжал рыть.

Только на третий день он вылез из ямы, ссыпал землю в лоток и понес к замерзшему ручью. Потом пробил

ломиком лед и зачерпнул в лоток холодную воду. Ловкими волнообразными движениями человек встряхивал лоток с породой, отбрасывая лопаткой крупные камни и гальку. Мокрые руки его покрылись ледяной коркой, пальцы распухли и побагровели, став похожими на панты молодого оленя весной, когда пушистые рожки их наливаются кровью.

Земли в лотке оставалось все меньше. Наконец, в маленькой кучке грязи на дне его стало видно несколько микроскопических желтоватых блесков. «Знаки»! Мельчайшие крупинки золотого счастья, за которым человек охотился уже много лет и которое теперь где-то близко, может быть, рядом. Надо найти его, напасть на гнездо, и тогда богатство сразу поплывет в руки...

Человек яростно хватает заступ и опять роет новый шурф, пока не достигает золотиносных песков. И снова — одни «знаки», одни ничтожные следы, свидетельствующие о богатой породе, но сами по себе не имеющие никакой ценности. Они говорят только о том, что где-то близко должно быть много золота.

Человек расправляет замлевшую спину, ставит чайник на костер, разводит немного муки с водой, запекает на огне лепешку и жадно ест, запивая горячей водой... Продукты на исходе, а сахара давно нет. Впереди — долгая колымская зима. Ближайшее жилье — в Оле, на расстоянии шестисот километров; туда больше месяца идти по тайге... Ружья у человека нет. Иногда он ловит силками куропаток и удит рыбу в проруби. Но это трудно и, главное, долго. А время дорого, да и продукты очень дороги. Чтобы купить их, нужно долго служить в Оле сторожем или дровосеком, отказывая себе во всем, и копить сотню-другую рублей, с которыми можно идти на разведку.

И человек торопится. Он сбрасывает последний костер и роет новый шурф. Снова долгая изнурительная работа заступом, оттаивание дюйма за дюймом... Снова жгучая надежда, привычное замирание сердца при блеске «знаков» в лотке и мрачное разочарование. Богатого золота нет, но с непреодолимой силой человека тянет к новым поискам.

Подобный этому азарт владел Бориской, когда он сидел за дезертирство в царской тюрьме. Однажды он

проиграл в карты сожителю по камере недельную порцию пищи. Целую неделю он не ел хлеба и каши, питаясь жалкими остатками баланды, которую из милости давали ему арестанты. Когда голодная неделя кончилась, Бориска с жадностью набросился на тюремный паек. Но на следующий же день снова проиграл недельную порцию.

Золотой азарт еще страшнее. Он преследовал Бориску годами, гнал его в тайгу на мучительные поиски. И теперь с неистовством душевнобольного, он рыл и рыл шурфы. Он не спал шесть дней. Полчаса вздремнув у костра, преодолевая нечеловеческую усталость, он вскакивал и снова хватался распухшими руками за лопату.

На седьмой день Бориска свалился у костра. Проснулся он полузамерзшим у слаботеющих углей. Страх перед смертью охватил его. Он кинулся в тайгу и начал рубить кедровник и лиственницу для зимовья. За три дня он выложил сруб, покрыл стлаником крышу, заделал отверстие в стене толстой ледяной плитой вместо стекла, стены доверху засыпал мокрым снегом, смерзшимся в непроницаемую ледяную обшивку... В ушах у Бориски звенело, перед глазами плыли красные и синие круги. Но он продолжал работать.

Когда на земляном полу запылал костер, Бориска покачнулся и упал возле него. Инстинктивно он успел отодвинуться от огня. Сколько прошло времени — он не мог определить. По белеющему пеплу было видно, что костер погас давно. Бориска чувствовал, что встать не в состоянии. Ему страшно хотелось пить. Он пополз до стены и, отломив от угла кусок намерзшего снега, начал жадно сосать его. Вода немного освежила больного, но приподняться он не мог, охваченный лихорадочным жаром.

— Пропадаю! — с отчаянием прохрипел он. — Чаю бы горячего!..

Бориска долго лежал неподвижно, слабо улавливая отрывистый лай песцов в тайге. Вдруг он с усилием поднял голову и прислушался. По снегу что-то шуршало. Щит из кедровника, заставлявший выход в зимовье, отодвинулся, и в отверстие влез человек.

— Бориска? Живой?! — тревожно спросил вошедший.

— Сафейка?! — радостно закричал больной. — Салям! Чаю!

* * *

...Тридцать лет прошло с тех пор, как Сафи Гайфулин, татарин из деревни Мирзан, Казанской губернии, впервые решил промышлять золото. Он работал тогда сторожем на почте в Охотске, куда попал, дезертировав в свое время из царской армии. Едва в Охотске появились слухи о золотых песках, как Сафи одним из первых пошел разыскивать их.

Почти десять лет «царский дезертир», как его называли, бродил по охотским горным ручьям, изучил все тропы на побережье и в тайге и перемыл не одну сотню тонн породы. Но золота встречалось мало. Все лето Гайфулин пропадал в тайге, а к зиме приносил в Охотск крохотную горстку золота, достаточную только для того, чтобы прожить зиму и закупить продуктов и припасов на зимние разведки и летнюю добычу.

В 1914 году, когда началась война, Сафи ушел дальше в тайгу, прячась от охотского исправника. На одном из перевалов в тайге он встретился с земляком, тоже Гайфулиным Шафигуллой. Шафигулла также бежал от военной службы и добрался до Охотска. Он, скрываясь от властей, бродил в здешних лесах, питаясь рыбой и дичью, иногда промышляя золото. Шафигулла был исключительно силен и ничего на свете, кроме царской полиции, не боялся. Старатели прозвали его «Бориской». Это был тот самый легендарный Бориска, которого считали первооткрывателем колымского золота.

Оба Гайфулина долго бродили по тайге, ведя бесконечные беседы о родном селе и мечтая о богатстве, которое позволит им вернуться домой, жениться на красивых девушках и завести свое хозяйство. Но богатого золота в Охотске Гайфулины не нашли. Осенью 1915 года вместе с русским старателем, уроженцем Пензенской губернии Кановым, они сидели на окраине Охотска в трактире и совещались.

— Пропадем мы тут, братцы, в тайге, — говорил

Канов. — Золото здесь тощее — просто дрянь. Поймают нас, отошлют на Сахалин или на войну... Что будем делать, братцы?..

— Пойдем дальше, бачка, — сказал Сафи. — Пойдем в Америку. На севере, далеко слышал я, Америка такая есть, Аляска называется. Там золото лотком гребут. Поедем на собаках в Олу, в Гижигу, потом в Северный океан. Там нас никто искать не будет и золота вволю нароем.

Канов был человек грамотный. Он достал карту и подсчитал — до Анадыря будет две с половиной тысячи верст. Если на собаках делать по пятьдесят верст в день, к марту, пожалуй, можно доехать.

— Да места-то больно страшные, — сказал Канов. — Перевалы, пурга, народ неизвестно какой. Выдадут или убьют...

— Едем! — перебил его Бориска. — Ничего. Это мне не страшно. Лишь бы не на войну...

— ...Собрали мы все свои капиталы, — подсовывая в чугунку хворост, рассказывает Сафи Гайфулин, — купили три потяга собак, юколы, припасов и поехали по охотскому берегу. Недели через две дошли до Ямска, сделали привал. Начал нас народ пугать: «Не дойдете до Северного моря: хребты высоки очень, пурга всегда воеет; засыплет вас там, пропадете без вести. Никто еще по берегу до Америки не доходил. А золото и в Ямске есть — весь берег золотой...» Всю зиму искали мы золото вокруг Ямска. Однако ничего не нашли, даже «знаков» почти не было. А весной повстречались с якутами, которые пришли с Сеймчана, с реки Колымы. Напоили мы их спиртом и начали выспрашивать, нет ли золота на Колыме. Они жались, отмалчивались, но потом все-таки проговорились, что золота много и тунгусы из него чуть ли не пули отливают. Очень нас эти рассказы тогда расстроили!.. А кроме того, встретился нам в то время уполномоченный читинского купца Шустова — Розенфельд. Он давно на Колыме жил, по должности — торговал, а чем на самом деле занимался — шайтан его знает. Надо полагать, тоже золото искал втихомолку. Этот Розенфельд нам предложение сделал:

«Ну что ж, говорит, вояки, народ вы храбрый, опыт-

ный, поищите золото на Колыме. Я вам кое-какие места покажу и сам провожу вас, пожалуй...».

Мы его вступить с нами в компанию звали. Не захотел.

«Это, говорит, мне ни к чему, я ученый работник. А вот вы, когда ходить будете, все отмечайте в книжечку: сколько в шурфах «знаков», по какому направлению идут, где больше, где меньше. На гнездо нападете, отметьте крестиком, а мне потом расскажете. И вам и мне понадобится...».

— В шестнадцатом году вчетвером пошли мы по Тахтайму и реке Буюнде. Лето ходили по Буюнде, а осенью на Сеймчан вышли. Всю Колыму исколесили, речки Декдачан, Упчакан, Буюнду сверху донизу прошли. Везде «знаки» богатые нашли, а на золото не набрали... Пришла зима, — продукты мы свои съели, одежды у нас теплой мало. Решили вдвоем с Розенфельдом идти обратно в Ямск, а Канова с Бориской оставить зимовать на Упчакане. После я с якутом Александровым на оленях туда подъехал. И опять начали мы ходить по Колыме, искать золото. Тунгусы и якуты прослышали, что бродят по тайге люди с побережья. Думали они, что мы будем их оленей воровать, угрожали нам, выдать нас хотели... Ушли мы от людей подальше, верст за триста вглубь, в такие глухие места, где, пожалуй, и человека никогда не было. Лошадь у нас последняя издохла, мы ее всю съели. Муку экономили — знали, что плохо будет без муки. К весне решили разойтись в разные стороны. Думали, что невыгодно в одном направлении всем шурфы бить. Может, кто первый на богатое золото наткнется, другим скажет, а потом сойдемся и вместе добывать начнем... Так и шли по ручьям, тащили за собой припасы и инструмент, рыли мерзлую землю, как кроты, но никто до богатого золота не добрался. Знаем, что лежит оно где-то рядом, а найти его не можем!.. Тогда-то я и нашел Бориску в зимовье. Набрел на него случайно, свернув на тот самый ручей, где он работал. Весной нас первый раз счастье поманило: на Среднекане нашли золото. Правда, добывать его зимой было невыгодно, но «знаки» говорили, что здесь летом много золота взять можно. Провизия у нас совсем вышла, только тем и жили, что куропатку поймает или

рыбы в проруби наловим. Ни муки, ни чаю, ни сахара. Отощали совсем, а уйти сил нет... Тянет золото и тянет, — из последних сил рою. Все кажется, что вот-вот на гнездо нападём... Потом собрались мы и начали советоваться, что делать: нет больше сил по тайге ходить, пропадём. Хоть и найдем золото, достать его не сможем... Надо идти обратно, к Охотскому морю. И решили мы с Кановым идти в Олу. А Бориска отказался:

«Не пойду, говорит, лучше помру здесь, в тайге. Боюсь урядника».

Так и остался один в тайге. Перед тем мы условились, что к зиме вернемся. Расцеловались с Бориской, попрощались и побрели на побережье, в Олу. Канова там поймали и забрали на военную службу. А я начал сено косить, за скотом ходить, дрова рубил у крестьян. Не пил, не ел, все деньги копил. Скоплю, думаю, рублей полтора, куплю припасов — и на Колыму, к Бориске.

* * *

Старик Сафи посмотрел на меня печальными восточными глазами, вздохнул:

— Не пришлось мне, товарищ, больше видеть Бориску: пропал он той зимой. Очень сильный человек Шафигулла был, а пропал. Совсем из сил выбился, ноги в кровь сбил, лихорадка его трепала, а он все землю рыл. Так его якуты и нашли в шурфе. Вырыл он половину шурфа, почуял, видно, что смерть приходит, наложил в яму мха и сам лег на него. Якуты его потом из ямы вытащили и похоронили рядом на ключе. Этот ключ на Колыме так и зовут — «Борискин ключ». Говорят, что в этом последнем шурфе золотое гнездо и было... Таково оно, товарищ, это самое золото, — даром в руки не дается. Вот и мою жизнь забрало. Тридцать лет я за золотом, как собака, бегал, а только последние три года живу хорошо, спокойно, не голодая...

Я оглядел помещение, в котором жил Гайфулин. Это была небольшая избушка с земляным полом. В ней были нары, табуретки и простой деревянный стол; на столе — чай, сахар и хлеб. Гайфулин доживал здесь свой век, работая сторожем при ольской почте.

Золото, действительно, отняло половину жизни Сафи

Гайфулина. Он и в шестнадцатом году, после смерти своего товарища, не прекратил охоты за золотом. И искал его еще много лет, вступая в соглашения с купцами, неутомимо странствуя по колымской тайге и ее золотоносным рекам. В двадцать шестом году, в Среднекане, где умер Бориска, Гайфулин нашел богатое золото. Но он скрыл его от Советской власти, не указал открытых районов, припрятал несколько десятков килограммов металла. Золото было конфисковано у Сафи по закону. За скрывание золотоносных районов и намытого золота он подлежал наказанию. Но, приняв во внимание возраст Сафи и тяжелую его изыскательскую работу на Колыме, старику предоставили возможность на свободе доживать свой век.

Гайфулин угощает меня чаем, продолжая беседу. Он совершенно неграмотен, но за долгие дни и ночи, в какие сторожил здание ольской почты, многое передумал о своей жизни, многое стал видеть в ином свете.

— Недобрый человек, — говорит Сафи, — кто роет золото для себя. Не будет ему счастья... Вот я убил свое здоровье, закопал свою жизнь в тайге. Нет у меня ни жены, ни детей, ни доброго человека-друга...

— Но скажи, Сафи, — спрашиваю я старика, — как же так: вот вы втроем с Кановым и Бориской годами ходили по тайге, по самым золотоносным колымским районам, ухлопали столько сил на поиски — и ничего не нашли, кроме «знаков»? А ведь по вашим следам геологи Дальстроя нашли большие богатства. Везде, где вы ходили, теперь прииски. Как же объяснить, что вы — первые колымские разведчики — прошли по этим самым местам, а золота не нашли?

— Эх, дорогой, что ж ты равняешь! — улыбнулся Гайфулин. — Ведь шли-то по тайге всего трое усталых, голодных людей. Шли без припасов, да и оружия не на что было купить. Неделями шурфы рыли, а там ничего, кроме «знаков», не оказывалось. Золото, как между пальцев, плыло... А теперь ведь тут государство идет. Идет, может, человек пятьдесят сразу, — все сытые, гладкие, какао пьют, масло едят. Припасы за ними на машинах везут... Одним словом, государство идет!

Я невольно улыбнулся. Представления Сафи о государственных разведках Дальстроя были, по меньшей

мере, наивны. Пятьдесят человек, пьющих какао и питающихся маслом, казались старику пределом его мечтаний. Что же сказал бы он, если бы видел, как на самом деле работают разведочные партии, в которых занято несколько тысяч человек! Как по притокам Колымы идут целые отряды во главе с опытными геологами, с принимающими и передающими радиостанциями! Как самолеты авиаразведки доставляют партии геологов в самые недоступные места, держат с ними постоянную связь и отвозят добытый металл и породу в лаборатории, организованные здесь же, в тайге!..

Беседа наша подходила к концу. Утомленный старик пьет чай. Я спрашиваю его на прощанье:

— Так, значит, Сафи, теперь уже ты совсем забыл о золоте? А почему бы тебе не пойти в разведку Дальстрой? Тебя, пожалуй, возьмут на работу.

Старик выпрямляется. В печальных глазах его вспыхивают горячие искорки.

— Пошел бы, — загораясь, быстро говорит Сафи. Но тотчас же угаснув, добавляет: — Да нет, бачка, куда уж мне? Спина болит, ноги пухнут... Пускай уж молодые добывают, у них дело лучше идет!..

*

КОЛЫМСКИЕ СЛЕДОПЫТЫ

Юноша-студент с голубыми глазами и румянцем во всю щеку прочитал реферат о теории относительности Эйнштейна и координатах времени и пространства. Старик, профессор-математик с европейской известностью, восторженно жал ему руку:

— Очень хорошо, друг мой. Ваше будущее — научные искания... Сейчас вы — астроном-геодезист. Несколько лет углубленной научной работы, — а ведь вы склонны к ней, — и вам обеспечена кафедра. Я предлагаю вам остаться аспирантом в моем отделении.

— Хорошо, — сказал студент, — я подумаю.

На другой день этот студент подписал договор с Геолкомом на должность астронома-геодезиста научной экспедиции, едущей на Колыму. Взмолванный перспективой поездки в страну, почти целиком представляющую «белое пятно» на карте, он носился по Ленинграду и закупал топографические сумки, рюкзаки, карабины, складные палатки, самосветящиеся компасы и самопишущие ручки.

— Куда ты едешь? — говорили молодому астроному Казанли его доброжелатели. — Ты же будущий ученый. А там, в тайге, забудешь все, чему учился...

— Ничего, — упрямо ответил Казанли. — Учиться не обязательно в кабинете. Приобретать знания можно и в тайге. А книги я везу с собой...

В экспедицию, с которой Казанли поехал на Колыму, входили преимущественно специалисты, только что сошедшие с учебной скамьи. Возглавляли ее молодые геологи из Ленинградского института — ныне уже из-

вестные исследователи Приарктики — Билибин и Цареградский. Впоследствии к ним присоединился еще их друг, тоже ленинградский студент-геолог Вознесенский. С экспедицией ехали с Алдана разведчики золотоносных районов Раковский, Лунко, Алехин и другие. Почти все без исключения они стали впоследствии выдающимися работниками золотой промышленности.

Весь состав экспедиции, вооруженный знаниями и любовью к своему делу, был увлечен идеей исследования огромных районов, изобилующих горными богатствами. И вот, пробиваясь на пароходе сквозь неохотно расступающиеся льды, экспедиция в 1928 году впервые увидела суровые горы Колымы. Исследователи высадились на маленькой береговой полосе Ольского побережья. Древние избы времен первых казацких поселений стояли здесь. А за узкой береговой полосой распростерлась непроходимая тайга, прорезаемая неизвестно куда ведущими звериными тропами.

По вечерам, когда рассеивался туман, над тайгой загорались большие неподвижные звезды — единственные ориентиры, по которым можно было намечать астропункты и наносить на карту направление. Вообще Колымский край давно уже наносился на карту. Географический контур этой страны рисовали еще Черский, Тан-Богораз и другие. Академия наук по этим отрывочным данным наметила карту течения некоторых колымских рек. Однако почти каждая проверка на месте обнаруживала большую неточность этих наметок. А пока толком неизвестно было, куда и как двигаться, какие выбрать пути, чтобы пробраться к крупнейшим водным артериям Колымы.

При таких обстоятельствах двадцать пять молодых участников экспедиции возле Олы стали разрабатывать генеральный план исследований золотоносного края. Билибин и Цареградский, с исключительной для своего еще небольшого опыта научной прозорливостью, сводили воедино разрозненные сведения, намечая путь движения экспедиции. Сведениями приходилось пользоваться местными, подчас совершенно сомнительными и фантастичными. Но и такие доставались не без труда. Приходили в экспедицию и искренне желавшие помочь ей старатели. Но сведения их оказывались зачастую

ошибочными. Так, старый казак-охотник Попов нашел вместо золота сернистый минерал пирит, похожий на золото. Выйдя по его указаниям, геологическая группа экспедиции лишь даром потратила время на бесплодные поиски.

До начала общего похода члены экспедиции читали книги и бродили по берегу с ружьями, охотясь на чаек и зайцев. Астроном Казанли определял астропункты и вместе с товарищами наносил на карты новые названия сопок, хребтов, ручьев, рек и долин. Фантазии молодых географов здесь давался широкий простор: земля эта представляла собой еще девственную целину, которую предстояло подвергнуть географическим «октябринам». Вся экспедиция упражнялась в придумывании подходящих названий для новых географических объектов.

Для похода экспедиции нужны были прежде всего средства передвижения и хорошие проводники. Неподалеку от Олы проживал в селении Гадля столетний якут Килланах — знаменитый путешественник, неоднократно прошедший Колымский край от Якутска до Охотского моря и от Охотска до Северного Ледовитого океана. Но Килланах был стар и плохо видел, он не мог уже ходить по тайге. Вместо себя он порекомендовал геологам своего ученика — якута Макара Медова, столь же неутомимого путешественника. Медов сам, по памяти, составил карты маршрутов. Карты эти противоречили всем принципам картографии и напоминали примитивные схемы, составленные в XVI веке первыми исследователями Сибири и Дальнего Востока. Но и в таком виде они давали некоторую, хотя и условную ориентировку.

Хуже обстояло дело с транспортом. Ездовых оленей и собак у местных жителей хватало только для их собственных нужд. Тогда Раковский сам взялся обучать необъезженных оленей. Олени долго не поддавались никакой выучке. Стоило их только привязать постромками к нартам, как они срывались с места и бешено скакали через наледь, пригорки, рвы и ямы до тех пор, пока не выворачивали седоков в сугробы и сами не выбивались из сил. Но упорно добываясь своего, Раков-

ский все же обучил вскоре тридцать оленей всем правилам культурной езды.

Собачье хозяйство взялся организовать Казанли и флегматичный техник Гудименко, считавший себя специалистом по собачьей езде. Действительно, он с неожиданным умением хватал собак за шиворот, привязывал к нартам и свирепо кричал на них, как заправский каюр: «Тах, тах!» и «Хук, хук»!

— Им, собачьим детям, — утверждал техник, — ничего не треба, кроме доброй палки.

Помахивая толстым березовым остолом, он убеждал Казанли сесть в нарту и не бояться. Но при первой же попытке отъехать от стана потяг из четырнадцати собак сбился в кучу и поднял невообразимую грызню. Гудименко, размахивая остолом, храбро кинулся в самый центр собачьей свалки и исчез в ней. Собаки, оставив друг друга, всем скопом набросились на злосчастного «каюра». С большим трудом Гудименко выбрался из-под собак, оставив в свалке часть своего полшубка. Оказалось, что одной «доброй палкой» вопрос не решался. Лишь после долгой, кропотливой тренировки удалось, наконец, собак объездить.

Теперь, пользуясь собственным транспортом, Раковский отправился в эвенские стойбища, закупил там продукты и наметил ориентировочные маршруты. Имелись два варианта плыть к реке Колыме: либо по Бахапче, либо по Буюнде. Оба варианта, впрочем, не были достаточно изучены, не было известно даже, проходимы ли эти реки. Местные жители говорили, что по Бахапче двигаться нельзя, так как в низовьях ее огромные пороги, через которые трудно проплыть даже на плотках. Но так как Бахапча была все же полноводной рекой, не пересыхающей до осени, экспедиция решила попытаться выплыть к Колыме по ней.

Вначале двинулась часть экспедиции во главе с Билибиным и Раковским. Цареградский и Казанли остались на побережье, чтобы вскоре тоже двинуться по их пути. Билибин и Раковский добрались до Мольтана и оттуда двинулись вниз по Бахапче. Они взяли с собой любимицу всей экспедиции — собаку Демку, — привезенного с «материка» сеттера.

Цареградский и Казанли тем временем готовили на

побережье к выходу вторую часть экспедиции. От Билибина и Раковского сведений никаких не было. Однако второй группе экспедиции вскоре удалось выйти в тайгу по Мольтану на соединение с первой партией.

Уже вблизи Мольтана Цареградский и Казанли услышали однажды хриплый звериный лай. Затем из зарослей выбежало четвероногое существо с торчащей дыбом шерстью. Геологи с трудом узнали собаку Демку. Эта встреча внушила путникам невольные опасения. Никак нельзя было предполагать, что Демка добровольно покинул партию Билибина и Раковского, — видимо, с экспедицией что-то случилось. И лишь впоследствии, когда обе экспедиции благополучно встретились, Казанли узнал, что Демка отстал от плотов своих хозяев. Плутая в прибрежных кустарниках, он в течение нескольких недель бежал по следу за плывущими, но не смог их догнать. Проблуждав месяца полтора в тайге, одичалый, облезлый Демка, движимый собачьим своим чутьем, кинулся в сторону и дошел до партии, которую вели Цареградский и Казанли.

Осенью, после нескольких месяцев путешествия, Казанли и Цареградский вышли, наконец, на Колыму в том месте, где впоследствии была сооружена пристань Дальстроя Запаятая. Так окрестил это место ранее прошедшая партия Билибина. Приняв неизвестный ручей за речку Среднекан и решив сначала разбить здесь базу экспедиции, место называли «Точкой», но так как пришлось плыть дальше, то «Точку» переименовали в «Запятую».

С таким названием она и осталась на географической карте.

Добравшись до Колымы, Цареградский и Казанли вздохнули с облегчением. Здесь они получили первую счастливую весть о своих товарищах. На крупной листовке у самого берега реки они на обнаженном от коры стволе увидели выведенную химическим карандашом надпись — радостную таежную «телеграмму».

«Уважаемый Сергей Владимирович!

Я сплавился по Бахапче. По этой реке будет большой сплав грузов. Прошу определить астрономические пункты.

Ю. А. Билибин».

К удивлению Цареградского и Казанли, под этой надписью был второй затес с более свежей надписью: «Уважаемый Юрий Александрович!

Прошлый на легкой лодке один, без астронома. Ближайший пункт — устье Таскана.

С приветом С. В. Обручев».

Эту своеобразную таежную переписку следует пояснить. Дело в том, что сплав по Бахапче являлся для Билибина своего рода делом чести. Он не мог допустить даже и мысли о неправильном планировании и провале своих прогнозов по этому вопросу. В случае провала прямо была бы уязвлена его честь, так как экспедиция его проводилась одновременно с такой же экспедицией, руководимой известным геологом Обручевым, направлявшимся на Колыму со стороны Якутска. Шло, таким образом, соревнование двух молодых ученых по вопросу о том, кто правильнее и лучше нанесет на карту древнюю Колыму, откроет ее богатства и найдет пути к ним. Документы же на листовнице свидетельствовали о том, что оба исследователя не теряли времени даром и достигли успеха.

Астрономические пункты, о которых писал Билибин, определил и занес на карту Казанли. Обе группы экспедиции сошлись вскоре на реке Колыме. Здесь Билибин разработал и написал известный отчет, положенный в основу разработки колымских богатств. Это был блестящий проспект, в котором молодой ученый талантливо раскрыл картину распространения колымского золота на территории, равной территориям Аляски и Калифорнии.

Столь же продуктивно, энергично и неутомимо работали Казанли, Цареградский, Раковский и другие участники экспедиции. Разбившись на небольшие группы, они планомерно исследовали десятки золотоносных ключей и нашли много богатых районов, в которых до сих пор идут золотые разработки.

Многие тысячи километров были пройдены участниками экспедиции. На Колыме километры иногда в шутку называют «колыметры». В этом краю с его былым бездорожьем километры подчас поистине превращались в бесконечные «колыметры». Часто путешествия первых

исследователей были связаны с большими трудностями и опасностями. Однажды Казанли двигался по маршруту вдвоем с врачом экспедиции. Отклонившись по свежему следу медведя в сторону, они заблудились в горах. Пройдя несколько километров на юг, достигли непроходимой тайги, на месте которой теперь раскинулся порт Нагаево. Здесь, обессиленный тяжелым путем, врач нечаянно слетел с высокой скалы в море. Казанли, рискуя собственной жизнью, едва спас его от неминуемой гибели.

В 1930 году к участникам первой экспедиции Геолкома присоединился еще один ленинградец, геолог Вознесенский. Он пробрался зимой на реку Колыму таким путем, на который мало кто отваживался. Купив потяг собак, Вознесенский один, без каюра, руководствуясь только компасом, двинулся по тайге за шестьсот километров по неизвестным местам. Это был небывалый случай: прибывший с «материка» новичок в одиночку на собаках пересек огромное расстояние от побережья Охотского моря до реки Колымы. Здесь Вознесенский и присоединился к участникам первой экспедиции.

В истории края это были еще тяжелые годы. «Цветметзолото», пытавшееся в этот период организовать добычу металла на Колыме, не располагало ни техническими, ни организационными возможностями для помощи экспедиции. Участникам экспедиции приходилось выходить из всех затруднений собственными силами. Работать было сложно и трудно. Продовольствия было крайне мало, запасы пополнялись только охотой и рыбной ловлей. Бесконечные утомительные переходы по тайге в жестокие морозы и неистовую жару истощали силы исследователей; недостаточное питание развивало малокровие, вызывало первые зловещие признаки цинги.

Живой, подвижный Цареградский долго бодрился. Сидя у привальных костров, отбиваясь от тучи гнуса, он пил стакан за стаканом чай и сочинял стихи о капитанах — победителях полюса. Но один за другим у него расшатывались зубы и отекали ноги, сдавленные тяжелыми сапогами. Румяный Казанли также бледнел с каждым днем. Лишь один Раковский — человек необыкновенной энергии, настоящий индейский следопыт, луч-

ший ходок Колымы — не сдавался. Он все дальше углублялся в дебри Заколымья, открывая все новые золотоносные районы.

За это время к участникам экспедиции пришло подкрепление, сразу поставившее их на ноги и неизмеримо расширившее горизонт работы. Осуществляя решения партии и правительства об освоении Колымы, в край приехали работники вновь организованного треста «Дальстрой». Из бухты Нагаева на далекие прииски доставили продовольствие, припасы, инструменты, патроны.

Это было уже в марте 1932 года. В этом году Казанли заболел цингой. Ему грозила гибель: ближайший врачебный пункт был в устье Утиной, в сотне километров от Оротукана, где работал тогда Казанли. Больного в жару и бреду повез на оленях на Утиную местный житель. В дороге нарта Казанли перевернулась, и он упал в снег. След быстро замело пургой, и нарта прибыла в устье Утиной без больного.

Раковский, находившийся тогда на Утиной, немедленно бросился на розыски Казанли и нашел его в снегу уже замерзавшим. Больного привезли в Магадан и оттуда заставили уехать на «материк», чтобы оправиться от цинги. Казанли поехал в Донбасс. Здоровый его организм за несколько месяцев совершенно выправился от всяких последствий цинги. Тотчас же, не успев даже как следует отдохнуть, Казанли засел за учебники, в короткий срок освоив курс маркшейдерии, написал на эту тему книгу и снова вернулся на Колыму.

*

УЧИТЕЛЬ ВАРРЕН

Мы едем по берегу быстрой и красивой горной реки Ланковой. Берега реки скалисты и обрывисты.

Я искоса поглядываю на моего кучера — маленького невзрачного человечка с вздернутым носом, похожим на луковку чеснока, и прозрачными голубыми глазами. Вид его несколько необычен для приполярных широт. На нем овчинный тулуп, подпоясанный лыжным шнурком, валенки, шапка-ушанка. Но из-под раскрытого тулупа виден белый воротничок смятой накрахмаленной рубашки и черный галстук бабочкой.

Кучера зовут Столяров. Он завклубом, киномеханик, танцор, мандолинист и актер Ольской труппы. Художественные наклонности и заставляют его, очевидно, носить этот костюм.

Несмотря на свою мирную внешность, Столяров человек отчаянный. Он не признает никаких дорог и везет напролом, куда глаза глядят. В сани впряжена молодая якутская лошаденка, чуть ли не впервые идущая в упряжке, и кажется, что не кучер управляет лошастью, а наоборот — она кучером. Ежеминутно лошаденка пугается и скачет на льдины, на пеньки, в наледи, и требуется отчаянное усилие, чтобы остановить ее.

Столяров ограничивается тем, что награждает лошаденку самыми несообразными кличками: тпру, нахальный человек! или — но, но, срывщик промфинплана!..

Впереди идут две собачьих упряжки, но Столяров не желает ехать за ними, а выискивает какие-то окольные пути.

— Ничего, — говорит Столяров в ответ на мои опасения, — я тут с кинопередвижкой ездил, лучше всякого каюра дорогу знаю, да и нет на Колыме дорог. Шпарь по реке — вот тебе и вся дорога! Сейчас мы, милый человек, доберемся до Бараборки. Часика три осталось. Заедем прямо в интернат, к учителю Варрену. Конячку захватили? — обеспокоенно вспоминает он.

Я интересуюсь, почему у бараборского учителя такая странная, английская фамилия — Варрен.

Столяров ухмыляется.

— Англичан у нас тут не водится. Обыкновенный камчадал. А фамилии у них всякие бывают. Народ-то ведь это смешанный. Но, между прочим, Варрена здесь все знают. На всем Охотском побережье, на Камчатке, даже на Чукотке... Он и у чукчей бывал, учительствовал.

— Тпру-тпру, морской зверь! — вдруг отчаянно заорал Столяров, — куда ты скачешь, лахтак облезлый! — Столяров соскочил с саней и начал тянуть коня из наледи.

— Что случилось?

— Да тут вот дорога на Бараборку ближе. По реке в обход вдвое дальше. А он прет в наледь.

— Да где тут дорога? — удивляюсь я, тщетно стараясь найти следы хоть какой-нибудь колеи.

— Вот тут, видите, дерево срубленное. Значит, тут вертать надо. Вы не беспокойтесь, я ведь не впервые, в этом самом лесу как-то заблудился и два дня в снегу ночевал.

Мы въехали в тайгу и поехали напролом, изворачиваясь среди редких лиственниц и покрытых мелким стлаником залысин. Темнело. Лошаденка натыкалась на пни и стволы и несколько раз вывернула нас в глубокие сугробы снега. Кругом клубился сумрак и без конца расстилалась мелкая низкорослая тайга. Казалось, что мы все время кружимся на одном месте.

И потому, когда неожиданно откуда-то вынырнули огоньки, оба мы обрадовались.

— Бараборка! — весело закричал Столяров.

В лесу стояли юрты, деревянные рубленые избы, олени нарта, большое здание школы-интерната.

Учитель Варрен вышел на крыльцо, радушно встречая нас.

В комнате учителя, похожей на блокгауз, вырубленный из больших лиственничных бревен, было тепло и светло. Маленькая «буржуйка», установленная в ящике с песком, потрескивала, сверкая вишневыми боками. На ней стоял большой жестяной чайник.

За стенкой кто-то приятным женским голосом напевал романс, аккомпанируя на гитаре. По-видимому, этот голосок являлся главной целью визита Столярова. Он немедленно разделся, передал Варрену узел с теплым бельем для воспитанников интерната, аккуратно расправил свой черный бантик и заявил:

— Ага, Маруся здесь. Я ей, между прочим, кухонную посуду привез, алюминиевую.

И исчез.

Как хорошо после долгой езды по тайге оказаться в теплой, светлой комнате. От печки струятся «лучи жизни», лампа-молния представляется гениальным изобретением, и даже быстро бегающие по столу тараканы вызывают нежное чувство, точно близкие родственники.

Учитель Варрен хлопочет возле печки. Он заваривает в чайник сразу осьмушку чая и сыплет в когелок с кипятком замороженные пельмени.

Я с любопытством смотрю на Варрена. Он около тридцати лет учительствует в самых глухих местах Охотского побережья и Ледовитого океана среди орочей, камчадалов и чукчей. Он родился в Петропавловске-на-Камчатке. По отцовской линии происходит от индейцев Аляски. Дедушку — англичанина — звали Варрен, вернее, Уоррен. По материнской линии у него помесь оймьконских эвенов с казаками из Ямского острога.

С шестнадцати лет Варрен учительствует на Камчатке, на Чукотке, на Алеутских островах, на мысе Лаврентия, в Узлене. Сейчас он заведующий школой-интернатом для кочевников, выстроенной Дальстроем в глуши маяканской тайги.

Мы пьем чай с коньяком и едим пельмени, присланные Варрену женой — фельдшерницей из Олы.

На огонек заходит председатель оленеводческой ар-

тели Хабаров, молодой эвен с типичным скуластым лицом и ослепительными, срезанными в нитку зубами, похожими на рекламу зубной пасты.

Хабаров — кандидат партии. Он только что кончил проработку в комсомольском кружке постановления о перестройке комсомольской работы.

— Что сегодня прорабатывали? — спрашивает учитель. — Ну, как комсомольцы, понимают? Вопросы задавали?

Хабаров качает головой.

— Молчат. Не понимаю. Я сам не все понимаю.

Варрен разводит руками и вздыхает.

— Был у нас тут комсомольский инструктор из Магадана. Велел «проработать» постановление о перестройке. Но как тут перестройку работы прорабатывать, когда и работы-то еще почти нет. Народ прямо из юрты, из тайги. Я наблюдал за ними: в политграмоте кое-как разбираются, спрашивают, спорят даже, а вот инструкция о перестройке им никак не понятна. Хабаров переводит, а ребята молчат, словно воды в рот набрали.

Хабаров выпивает несколько стаканов чая и уходит. Варрен говорит:

— Года два назад он ни слова не знал по-русски, а теперь вот свободно переводит с листа, читает книги, прекрасно ведет работу в колхозе. Он первый переселился из юрты в рубленую избу. Готовится в партию, хочет учиться в советско-партийной школе в Магадане и оттуда поехать в Ленинград, в Институт народов Севера.

— Сколько моих воспитанников, — улыбается Варрен, — работают сейчас председателями райисполкомов, секретарями сельсоветов, председателями колхозов, инструкторами. Правда, приходится вести большую работу, чтобы уговорить родителей отдать своих детей в школу. Дети местного населения пользуются полной свободой. Их мало, и родители души в них не чают. Не хочет ребенок идти из юрты в интернат — никто не будет неволить. А дети — везде дети. Природа, тайга, охота, рыбная ловля — конечно, все это привлекает больше, чем букварь и школьная дисциплина.

Зайдешь, бывало, в юрту и начинаешь уговаривать

отдать ребенка в школу. Старики молчат, жмутся или отвечают: «Зачем нам учиться? Мы, старики, скоро все равно умрем. Если же наши дети пойдут в школу, то потом уедут от нас, забудут своих матерей, дедов, сестер и братьев».

Но теперь, конечно, все меняется. И в юрты дошел слух о большевиках и о том, что они принесли на Колыму. Вот недавно мне пришлось беседовать с бригадами наших рыбаков, вернувшихся с рыбного лова на Оле. Спрашиваю я бригадира:

«Ну, как у вас дела, сколько рыбы поймали?»

«Мало, — отвечает бригадир, — тысячи две, не больше».

Подошел второй бригадир.

«А ты сколько поймал?»

«Сейчас скажу. — Вынимает он из кармана камешки. — Вот мой счет: каждый камешек — это десять штук, а каждая десятка — сто горбуш. У меня в кармане пятьдесят камешков».

«А если потеряешь несколько камешков, — спрашиваю, — как узнаешь счет? Не будут твои рыбаки знать, сколько рыбы поймали!»

Созвали мы общее собрание, я им рассказал про колхозный съезд в Магадане, про то, как постановили там всех детей обязательно учить грамоте.

После собрания отдали детей в интернат.

Варрен поставил на стол новый чайник, банку с медом, ловко вскрыл большим ножом банку фруктовых консервов и, потирая маленькие нервные руки, оживленно продолжал разговор.

— Люблю свой край. Не могу жить у вас в городах. Был один раз в Хабаровске, не мог дожждаться, пока обратно на Чукотку уеду. Чувствовал себя там как-то очень одиноко. Все спешат, торопятся, никому нет дела до другого. Нет, видно, родился я здесь, здесь и умру. Сколько здесь еще работы. Но сделано еще очень мало. Нужна глубокая перестройка сознания, нужен свет науки.

Вот недавно колхозники из Таскана прислали в Дальстрой прошение:

«Слышали мы, что у вас там попы имеются. Пришлите нам какого-нибудь арестованного батюшку, а то

у нас покойников отпевать некому. Шаманы ушли, пусть хоть батюшка пошаманит».

Баррен развеселился.

— Особенно интересно мне было работать учителем культбазы в чукотском поселении Лорино, возле Лаврентия. Школой у нас была обыкновенная чукотская яранга, которая обогревалась и освещалась нерпичьим жиром, а учеников приходилось вербовать прямо-таки героическими мерами. Влияние шамана и князьцов было тогда очень сильным, и ученики ходили в школу только для вида, чтоб не портить с нами отношений. Хотите, я вам расскажу про праздник кита?

Мы придвинулись поближе к печи, налили себе еще чая с коньяком, и учитель Баррен начал свой рассказ.

Привожу его целиком, так как нигде не встречал описания этого интересного и своеобразного обычая чукчей.

— Осенью, — начал Баррен, — хозяин моей яранги Чайвельрот пригласил меня принять участие в охоте на кита, появившегося на побережье, у бухты.

На большой байдаре было человек пятнадцать чукчей. На носу сидел здоровый чукча Тмууэ, один из главных владельцев общей байдары.

Приблизившись к киту саженей на пятнадцать, Тмууэ выстрелил из гарпунной пушки и вонзил киту гарпун в левую сторону груди. Гребцы начали отчаянно грести, чтобы подальше отойти от раненого животного, так как разъяренный кит может расшибить хвостом байдару вдребезги. На веревке, привязанной к гарпуну, плавали два пых-пыха — пустые нерпичьи шкуры, надутые воздухом. Они мешали раненому киту погружаться в воду. Минут через пятнадцать кит обессилел и затих. Его подтащили к берегу и начали всем селением свежевать. В условленном месте вырыли громадную яму, наложили ее доверху китовиной, а сверху завалили костями с позвоночника.

Яму эту не трогали до середины зимы.

Десятого ноября Чайвельрот пришел в школу ко мне и сказал:

«Завтра у нас будет праздник кита — Кересмит-Плитку. Отпусти, пожалуйста, детей на праздник».

«Нельзя этого делать, — сказал я хозяину, — дети — ученики советской школы, они пионеры».

Но тут пришли мои ученики, дети Тмууэ: Таое, Уяткун и Рахтын, здоровый веселый парень лет шестнадцати. Рахтын принес свой пионерский галстук и почти насильно оставил его у меня. Вместо него же он нацепил на голову ремень, украшенный собачьей шерстью, с каким-то шаманским значком спереди. Такие же значки надели почти все дети. Они заявили, что все равно не пойдут в школу и будут праздновать. Пришлось их отпустить.

«Почему ты просишь? — спросил я Чайвельрота, — разве ты устраиваешь праздник?»

«Нет, — ответил Чайвельрот, — я только участвую, а устраивает Тмууэ. Он самый богатый, он тут эрем — хозяин этой земли, и он — главный хозяин байдары, а праздник надо делать потому, что кит был очень сердитый и много работал хвостом. Дух кита может отвести морского зверя и китов от нашего берега».

Праздник кита начался на другой день возле яранги Тмууэ, куда собралось почти все население поселка Лорино, взрослые и дети.

Мой ученик Таое, неся в руках куски китового сала, подошел к берегу, стал на скалу и, трижды прокричав «Ео»,¹ бросил в море сало. Жена Тмууэ, в камлейке из оленьих кишок и кокошнике из оленьей шерсти, вынесла из яранги громадный мешок с мелко нарезанной китовой почкой, которую разбросала по снегу. Все чукчи бросились за кусками почки и начали их тут же есть сырыми. Потом все отправились к яме с китовиной, разрыли ее, достали примерно пятую часть мяса и разделили его между всеми, отнеся порядочную долю в ярангу Тмууэ.

Вечером начался пир в яранге Тмууэ и многих других. И потом, в течение четырнадцати дней подряд, все время продолжались всякие церемонии, заканчивающиеся вечером бесконечной едой.

Почтенные старики, гости, мужчины и женщины сидели в пологе голые и ели беспрерывно. В пологе только и слышно было шлепанье губами и кряхтенье хозяйки, которая едва успевала нарезать мясо. Поедали все до крошки,

¹ Ео (чукотск.) — пурга.

и только совершенно негодные части выбрасывали собакам или перетапливали для огня.

Особенно меня заинтересовали в процессе этой беспощадной еды два старика, родственники Тмууэ. Одного звали Мимай, а другого Кеселен. Они сидели в яранге утром, днем, вечером и ночью и ели без конца, с маленькими перерывами.

Мимай, тощий и дрожащий от старости, с бессмысленной улыбкой смотрел на все происходящее вокруг и оживлялся только, когда приносили новую порцию еды.

Второй старик, Кеселен, наоборот, придавал большое значение магическим церемониям и активно участвовал в них. Он все время приглашал бить в бубен.

Чайвельрот затягивал песню, мои ученики Таое и Утетку садились на священный камень и начинали стучать в бубен, крича: «Е-о, ё-о!». Женщины раскачивались, держась за ремни, протянутые по стенам яранги. Били в бубен часами, входя все в больший экстаз.

Часа в три ночи обычно ударяли в костяную лопатку, привязанную к яранге. Тогда из отдаленных яранг приходили дети. Их сажали в полог и кормили шарами из мелко рубленого сырого китового мяса, потом поили чаем и оставляли в холодной части яранги.

Я выходил к ним время от времени и уговаривал идти по домам. Дети мерзли, переступали с ноги на ногу, но уйти отказывались, крича мне: «Кырым!»¹ Таое сказал мне: «Я хочу ходить в школу, но только после праздников». Меня поразило, с каким рвением он выполнял все обряды. Ведь Таое считался пионером и неплохо учился. Его родители живут лучше всех в Лорино. Семья Тмууэ — потомки шамана, у них все атрибуты шаманские, и даже над ярангой висит шаманский значок.

Поздно ночью в ярангу пришел председатель нашего нацсовета Тынтыргин, пошептался с хозяином и сказал мне:

«Сейчас самый праздник Плитку. В яранге больше быть нельзя. Надо идти домой».

Меня начали уговаривать идти домой и, наконец, вежливо, но настойчиво вытолкали за дверь. Мне очень хотелось посмотреть конец ночи в яранге. Снаружи была пур-

га, выл ветер. Я сбежал к себе, принес теплые одеяла, вернулся в них и начал из-под низа яранги наблюдать, что там будет.

В полог набилось так много людей, что негде было просунуть палец. Осталось только небольшое место в самом центре яранги, возле священного камня. Гости сидели вплотную, друг возле друга, без всякой одежды. Тмууэ поднялся и сказал: «Кляуль! будет бить в бубен».

Все замолкли.

На священный камень сел известный чукотский шаман — Теуль. Возле него на шкуре стояла голова моржа, а слева лежали жирные куски китовины. Ярко горела жаровня с моржовым жиром, в которую иногда сыпали какую-то пахучую травку. Теуль начал камлание.

По яранге поплыли приятные звуки бубна. Теуль артистически работал бубном. Бубен то тихо вздыхал, как усталая женщина, то ворчал, как горный ручей, то начинал завывать, как пурга, и доходил до рева моря в шторм. Теуль сидел с полускрытыми глазами и покачивался в такт бубну. Мой ученик Таое время от времени подпевал ему. По-видимому, Таое готовили в шаманы.

Теуль входил все в больший азарт. Бубен бил все сильнее. Гул бубна напоминал шум, который бывает у нас на Камчатке во время отдаленного землетрясения.

Чукчи прижались друг к другу и замерли в страхе. Теуль уже не сидел, он полужелал на шкуре, извиваясь всем телом, точно плывущий дельфин. Вдруг он приподнялся и хриплым гортанным голосом начал что-то кричать.

Я прислушался. В выкриках шамана все чаще и чаще слышались слова: «культбаза», «школа», «кооператив», «мель-гытанг»². Он агитировал против нас, убеждая чукчей не отдавать детей в школу и не помогать культбазе. Все затихли и внимательно слушали шамана.

Но вот Теуль умолк, вытер пот с тела и лица и начал бить в бубен какую-то веселую песенку. Чукчи все сразу развеселились и заулыбались. Чья-то рука просунула из холодной яранги под полог тазик с рыбой и кисетом. Теуль вздрогнул и рассмеялся. Вместе с ним засмеялись и

¹ Кляуль (чукотск.) — человек.

² Мель-гытанг (чукотск.) — русские — огненные люди.

остальные чукчи. Руки все чаще просовывались из-под шкуры, и вокруг Теуля появились ситец, табак, спички, пояса, деньги. Кто-то просунул даже банку с консервами, которые я выдавал ученикам в школе. Подарки давали и Теулю и хозяевам. Даже секретарь нацсовета Кутегин принес Теулю нерпичью шкуру, а Тмууэ — табак. Дети все время стояли в холодной яранге и прислушивались к камланию. Только на рассвете их разогнали по домам.

Так продолжалось изо дня в день четырнадцать суток подряд. Всю ночь ели и били в бубен, днем спали, иногда устраивали состязания в беге или религиозные церемонии.

Получилось так: ловили кита человек пятнадцать, съели не больше пятой части китовой туши — все остальное осталось у Тмууэ.

От подарков хозяин также в накладе не остался. Отдавал он с большим расчетом. Получает, например, пять метров ситца, а отдает двести граммов чаю. Получает шкуру нерпы, а дарит кисет, получает кисет, а отдает какую-то кислую травку.

Двадцать четвертого ноября праздник Плитку кончился. Из яранги Тмууэ вывезли нарту с кусками сала и жира в подарок богам. На нарту положили еще плетку и подзорную трубу. Сын хозяина снова прокричал заклинания. Потом все гости яранги кинулись к ремням, которыми были опутаны потолок и стены яранги, и начали их рвать на куски.

Старик Мимай, которому не досталось ни куска, был очень огорчен и даже перестал улыбаться. Затем гости стали все в ряд, хозяин закричал: «Тагам», и все наперебой кинулись из юрты, в пургу. Больше в ярангу никто не возвратился.

Утром в школу пришел Таое и попросил меня вернуть ему его пионерский галстук. «Кересмит-Плитку кончился, — сказал Таое, — теперь я хочу опять стать вожаком».

Многие дети не ходили в школу. Сын Ретегреу, когда я спросил его, почему он не ходит в школу, ответил мне со злобой: «Вы, русские, нам хорошего не хотите. Вы нам муку серую даете, а американцы раньше давали белую».

Я объяснил ему, что чукчи в Лорино за один месяц получили от нас по три мешка крупчатки, огромное количе-

ство галет, что муку мы продаем дешево, а пушнину покупаем дорого. Никогда американцы так не платили чукчам, а только спаивали их спиртом. Потом я сказал ему, что на Чукотку будет приходить все больше пароходов, привозить разные товары и чукчи ни в чем не будут нуждаться.

Ретегреу, слушавший все это, рассмеялся и сказал мне: «Кайво»¹. После этого бедняк Ретегреу пришел ко мне в школу и спросил: «Мои дети хотят учиться. Сколько ты им будешь платить за это?» Я объяснил ему, что платить не буду, но будет все-таки выгода, потому что дети получают бесплатно наск. Ретегреу снова рассмеялся, сказал «Кайво» и прислал детей в школу. После праздника кита мы решили разоблачить шамана Теуля. Но во время собрания в нацсовете, когда мы начали говорить о Теуле, многие в ужасе разбежались, в том числе и сам председатель нацсовета Тынтыргин.

К Теулю в ярангу во время камлания я пришел вместе с товарищами Дамкиным и Норкиным. Когда Норкин начал говорить о шаманском обмане, переводчик Амьялик из нашей базы отказался переводить его слова.

«Почему ты не хочешь переводить?» — спросили мы Амьялика.

«Теуль — могучий шаман. Он может убить меня и отвести от меня морского зверя».

Но постепенно влияние Теуля стало ослабевать.

Стали приходить пароходы Колымской и Чукотской экспедиций, привезли много продуктов, промтоваров, школьные принадлежности, кино, пособия. Работа культурной базы расширилась. Бедняки начали все больше прислушиваться к нашим словам и отдавать своих детей в школу. Пришли чукчи из Яндагая, Аканны, Чини, Нуньямо и многие привели с собой детей. И вот через год никто уже не хотел уходить больше из моей школьной яранги.

* * *

Было три часа ночи. За окном выла пурга. Хрипло подвывали сй тулгусские собаки. Непролазная тайга расстилалась на тысячи километров.

¹ Кайво (чукотск.) — правда.

Печка приятно дышала раскаленными красными боками. Кипел на печке чайник. Я с уважением смотрел на учителя Варрена и думал о том, сколько мужества, энергии, любви к своему делу и пароду нужно иметь, чтобы тридцать лет жизни нести культуру в эти, иногда не отмеченные еще на географических картах места. Какую благородную и человечную миссию несет этот скромный учитель, имя которого вряд ли кому-либо известно за пределами Колымы.

*

ВОЛК

Вася Сычев, балагур и гармонист из артели хабаровцев, увидел «Волка» еще издали. Он нахмурился и сердито сказал Майорычу, рабочему геологической партии ленинградцев:

— Волка зачем-то к нам черт несет. Фарта сегодня не жди!

Волк подошел к завалинке избенки хабаровцев, поздоровался с Майорычем за руку и как-то нерешительно сказал:

— История! Цинковка на американке окончательно расхулилась. В ключья разлезлась. Золотников тридцать за мешок дам.

Вася сплюнул в сторону и смолчал, как будто не слышал слов Волка.

Старые мешки, бабьи юбки, куски войлока и сукна на Борискином приiske ценились дорого. Все это давно было израсходовано на самодельные колоды и американки для промывки. Волку, должно быть, туго пришлось, если он пришел к старателям с просьбой...

Старатели не любили и даже слегка опасались Волка. Жил он один на отлете, почти в километре от других старательских избушек, стоявших все в куче, тесно прижавшись одна к другой, словно ища защиты друг у друга от мрачных каменных гольцов; нависших над берегом Борискина ключа.

— Погодь, Герасим, — сказал Майорыч. — Он вынес из избы пару старых бархатных приискательских шаровар в рубчик. Такие шаровары носили испокон старатели на Алдане и Лене. В них удобно было поти-

хоньку втереть золотник-другой золотых крупинок, чтобы незаметно унести их с прииска.

Волк полез за пазуху и достал маленький холщовый мешочек с золотым песком.

— На хрен мне золото! — равнодушно сказал Майорыч. — Сдай его в контору, получи махорку и дай мне.

Волк не курил, а Майорыч не выпускал изо рта трубки. Волк поблагодарил Майорыча и пошел к себе на делянку легкими, упругими шагами, слегка согнувшись вперед и склонив голову набок.

— На што дал ему цинковку? — заворчал Василий на Майорыча. — Дружка заимел какого. Ты ему в зенки взгляни. У него глаза во внутрь смотрят. Ему на людей глядеть неудобно. Сахалинец! Факт. Я думаю, не иначе он там людоедством занимался.

— Будет врать-то, — сердито цыкнул на него Майорыч, посасывая трубку. — Человек как человек. А что треплется меньше тебя — так очень правильно делает. Экий толк от твоих разговоров. Самый ты пустой человек есть. Волк — старатель основательный. Старый таежник. На Лене, поди, еще работал.

— А ты почему, старый хрыч, знаешь? — огрызнулся Василий. — Рассказывал он тебе, что ли? Так ведь у него один разговор: здравствуй — прощай.

— Рассказывать не к чему. Сам вижу. Ты взгляни на его походку. Походка легкая и вперед согнулся. Почему? В тайге много ходил и мешок на спине таскал.

— А на Лене почему был? — недоверчиво, но заинтересованно спросил Василий.

— Опять рассудить требуется, — ответил Майорыч, наморщив лоб. — Лучше его никто тут золота не знает. Значит, не пустой человек, а старатель настоящий, опытный. Шею опять же вытягивает и голову набок держит. Почему? Потому, что в подземных забоях ходить привык. В забое, скажем, метр пятьдесят, а в нем метр семьдесят — вот и гнет голову набок. Теперь, скажем, где подземные забои работают? На Алдане открытые работы, в Охотске — тоже. Выходит, что на Лене работал. Понятно?

Василий с уважением посмотрел на Майорыча.

— Ловко ты это, старик, разъяснил. Откуда в тебе такое понятие ко всем вопросам?

— Походи с мое в тайге, и у тебя понятие будет, — солидно ответил Майорыч, пропадая в густых клубах махорочного дыма.

На крыльцо вальяжно выплыла подышать свежим летним воздухом мамка артели Анфиса, круглая, румяная, крупитчатая баба, лет сорока, с шальными серыми глазами и тяжелыми арбузными грудями, выпирающими из ситцевой кофты.

— Поиграли бы, Василий Тимофеевич, на гармоне, — пропела Анфиса, — вечер чересчур замечательный. Будто бы и не на Колыме этой проклятой вовсе, а в нашей Саратовской области. Только что соловья не заметно. Страдания бы!

В это время из избытки выкатился «Цыган» — муж Анфисы, староста хабаровской артели, невысокий, коренастый мужик, лет сорока пяти, с седоватой волнистой бородкой и черными глазами.

— Анфиса! — закричал Цыган и зыркнул на мамку горящими глазами. — Это кто ж пельмени стряпать будет?! Я нешто? Артель с рассвета работала! Артель за кормежку деньги платит.

— Каки еще пельмени? — тоненьким голоском, не идущим к ее мощной фигуре, заголосила Анфиса. — С чего тебе пельмени стряпать? Одни белки остались. Белка, что за мясо? Та же мышь — только что с хвостом. Не стану с белки пельмени делать.

— Иди в избу! — грозно прикрикнул Цыган.

Анфиса обиженно подобрала губы и нехотя пошла в избенку. Цыган прошелся по берегу ручья и подошел к Сычеву.

— Так-то, — сказал Цыган, сплевывая сквозь зубы, — на вас, Василий Тимофеевич, товарищ Сычев, от артели опять заявление поступило — лодыря, значит, ваяете. Артель землю скребет, а ты по грибы в это время ходишь. Между прочим, управляющий товарищ Подпругин, заявил, что наша артель меньше всех золота в этом месяце сдала. Половины плана не выполнили. Такой, говорит, артели продукты в последнюю очередь выдавать следует. Продуктов, говорит, Нагаево не шлет, а вы последнее жрете, а золота шиш сдали. Так-то! Баб, между прочим, охаживать вы горазды, а насчет работы — ваших нет.

— А ну тебя к шутам! — лениво приподнялся Василий, оглядывая с высоты своего роста маленького Цыгана. — Надоели вы мне и с артелью с вашей. Нарезу себе делянку возле Волковой, сам один работать буду.

— Так-то, — ехидно ухмыльнулся Цыган, — в волчаты лезешь? Куда тебе! Волк-то он — зверь на работу, а ты — что? Бабий угодник. Марью-якутку, Каллахову дочку, обхаживает, — подмигнул он Майорычу. — С якуткой, с дурой дикой путаться!

Цыган плюнул и ушел в избу.

Майорыч покосился на Василия.

— Зря ты это, Василий, действительно, — сказал Майорыч. — В этом дремучем краю должны мы свой авторитет держать. Кто мы есть? Советские граждане, представители рабочего класса, а не какие-нибудь тунгусники. Конечно, ты человек молодой, а баб на приiske только что Анфиска-стерва, да Марья-якутка. Однако Марья — девушка хорошая, даром что дикая. Ее обижать нельзя. Если что задумаешь, Василий, так надо по-хорошему, по закону.

Василий усмехнулся.

— Какой у них закон, Майорыч? У них насчет баб закон простой. Повалил девку на землю — значит муж. Вот тебе и закон весь.

Василий подбросил гармонь на плечо и пошел в тайгу, к балагану Каллаха, сложенному из жердей и кизяка.

* * *

Как только розовая полоска зари золотила синеватые сопки, Волк раньше всех шел в тайгу за дровами для пожаров. Среднего роста, сухощавый, жилистый, он обладал удивительной силой и выносливостью. Шутя тащил он из тайги две огромные вязанки дров километра за два до своей делянки.

Работа спорилась у него в руках, и даже сильный и ловкий Василий с завистью смотрел иногда, как ловко Волк отбивает киркой пласт за пластом и кидает их заступом в американку.

Старатели говорили, что Волк может промыть в

день полтораста лотков породы на руках, чего не мог сделать ни один самый опытный промывальщик.

Но особенно удивляло старателей необыкновенное знание Волком золотого дела — его большой опыт. Волк не работал наобум, как большинство старателей на приiske. Он чутьем знал, где лучше бить шурфы.

Когда старик алданец Адам вклепался со своей артелью в последний Борискин шурф, возле которого когда-то нашли богатое золото, Волк, подойдя к подземным забоям, где работали артельщики Адама, сказал:

— Ты брось, Адам, время терять. Тут больше золота не будет.

Адам обиделся:

— Молод ты меня учить. Когда ты еще у матери за юбку держался, я в Бодайбо золото мыл. Ишь, механик какой отыскался!

Однако, покопавшись недели полторы под землей, Адам должен был признать, что Волк прав.

Волк находил золото по ему одному известным приметам. Он оценивал уклон ручья, складки местности, излучины ключа, присматривался к форме гольцов, по которым текла весенняя вода, и по направлению потоков высчитывал места, где должно было некогда отложиться золото.

Сдавал Волк в Среднеканскую контору золота больше других и в провизии нуждался мало. Во время самых острых нехваток продовольствия он ходил в тайгу на охоту и приносил с реки Хириникан, что значит по-якутски «река маленького рябчика», целые мешки рябчиков.

Одиноко и нелюдимо Волк часами бродил по долине ключа и по сопкам, откалывал кусочки породы, заворачивая их в бумажки, и прятал в своей землянке, куда никто никогда не заходил к нему.

Однажды, впрочем, из Среднекана к Волку специально приехал секретарь партийной ячейки Чернов.

Спросив о здоровье Волка и удивившись, почему он никогда не приходит в гости к нему или управляющему приисками Подпругину, Чернов начал уговаривать Волка.

— Ты, Герасим Иванович, — сказал Чернов, —

человек бывалый. Лучше тебя золота, пожалуй, никто тут не знает. Что тебе за интерес работать в одиночку? Государству нужно золото. Надо ставить планомерные разведки районов. В Нагаеве сидят почти что три тысячи старателей. Им некуда сходить. Районы совершенно не разведаны, никто толком не знает, где золото. Ты должен помочь нам, пошел бы в разведчики или в наблюдатели. Охота тебе сидеть в землянке таким сычом. Вон тебя старатели даже Волком прозвали...

Волк сидел у маленького самодельного якутского очажка из глины, внимательно слушал секретаря, но отмалчивался и нехотя вяло отвечал:

— Без меня найдут золотишко, Михаил Степанович, — тем более я не знаю ничего. Зря это про меня болтают. Человек я простой, рабочий, в геологи не годюсь. А зовут Волком — и пусть зовут. Я им ни к чему, да и они мне — тоже. Они меня не любят, — ну, и я их не слишком долюбиваю. Да и то сказать, за что их, людей, любить-то?!

Чернов неодобрительно покачивал головой и бормотал:

— Экий ты... ну-ну, работай, как знаешь. Дело твое. И, впрямь, волк...

Волк, конечно, говорил секретарю неправду.

Он родился на золоте и всю жизнь прожил с ним. Сын ленского рабочего, Гараська Моргунов был отчаянным мальчишкой еще с детства. Тринадцати лет от роду он начал хищничать в забоях компании. По ночам мальчишка спускался в шахты и выбивал киркой богатейшие места забоя. Администрация шахт с ног сбилась, разыскивая дерзкого хищника, усиливала охрану, ставила сторожей у входов.

Но Гараська пробивал дыры над креплениями или спускался в шахты по узким вентиляционным ходам и, проскальзывая тенью мимо сторожей, по сырой стене забоя забирался в «алтари» и воровал по-прежнему зараннее днем высмотренную породу.

Выдали Гараську приятели, с которыми он играл в карты. Отца Герасима посадили в тюрьму, а он бежал на Алдан. С Алдана, со знаменитого Незаметного Герасима вывез пуда полтора золота, которое и прокутил в

Иркутске в один месяц, с шулерами и девицами легкого поведения...

В гражданскую войну Герасим примкнул на Байкале к партизанскому отряду и жестоко преследовал белых и японцев.

Однажды белогвардейский отряд изловил Гараську, отбившегося от своих. Его собирались расстрелять, но он ухитрился соблазнить поручика, начальника отряда, рассказами о золоте, которое лежит будто бы недалеко в тайге в громадном количестве.

Гараська завел поручика и еще десяток офицеров, жаждавших золота, чтобы удрать с ним в Манчжурию, в непроходимую глушь. Здесь он убил сопровождавшего его офицера, отобрал у него оружие и на лыжах ушел на восток.

Офицеры погибли в тайге, а Гараська, проблуждав месяца три, вышел на побережье океана, недалеко от Охотска.

В Охотске Моргунов также ходил за золотом. Здесь же он влюбился в девушку, учительницу, женился, у него родился сын. Герасим был счастлив. Он начал учиться, пристрастился к геологии, мечтал о том, чтобы пойти в вуз.

Но в двадцать первом году в Охотск ворвался отряд белобандита есаула Бочкарева, пришедшего на покорение Колымы и Камчатки.

Моргунов ушел в тайгу, к партизанам Каларандашвили. Перед уходом он поручил свою семью другому земляку — крестьянину, старателю с Лены.

— Убьют, — сказал ему Василий, — помоги моей семье. У них спрятан мешок золота. Побереги жену и сына.

Земляк побожился и даже перекрестился на образ, что свято выполнит просьбу друга.

Но, как только Герасим ушел, земляк пришел к бочкаревым и донес им, что Герасим когда-то завел в тайгу и погубил офицерский отряд.

Пьяные бочкаревы изнасиловали и убили жену Герасима и разозжили о стенку голову его годовалому сынишке. А земляк присвоил себе в награду имущество Герасима, в том числе и драгоценный мешок с золотом.

Партизаны Каларандашвили выгнали из Охотска

бочкаревых. С ними пришел и Герасим. Но он был потрясен гибелью жены и сына и предательством друга. Он отбился от отряда и ушел один в тайгу, где бродил в полном одиночестве, ни с кем не общаясь.

Герасим одичал, опустился. Он перестал даже интересоваться золотом. Много раз, охотясь за дичью в долинах ручьев, Герасим видел в осыпях золотые зерна, но, равнодушно отковыряв их из породы, он бросал золото в воду и проходил дальше.

В двадцать шестом году по побережью пошел слух, что на Колыме найдено золото. Охотские старатели стихийно бросились на новые места. Ехали на собаках по побережью, пробирались на лодках и баркасах по морю, шли пешком с «сидорами» за плечами.

У Герасима пробудилась старая страсть. Он тоже пошел на Север по самым диким, таежным местам, волоча за собой в котомке инструмент и продовольствие. Из Нагаева Герасим в одиночку сплавился на маленьком плоту по Бахапче. Плот разбило на порогах, Герасим выплыл, построил новый плот и добрался до реки Колымы.

Первым пришел он на Борискин прииск. Там работал в другом конце прииска только один человек — татарин Сафи Гайфулин, старый друг Бориски, открывшего этот, первый на Колыме, прииск.

Герасим поселился подальше от татарина и остался надолго здесь. Только месяцев через пять сюда добрались другие старатели — хабаровцы, корейцы, охотские, рассыпавшиеся по этому и ближайшим золотосносным ключам.

Герасим жил от них в стороне, на отлете, «волком», — так его и прозвали.

* * *

Василий ушел из хабаровской артели. Он поселился с Каллаховой дочкой, якуткой Марьей, один, на собственной делянке, недалеко от делянки Волка. У них родился ребенок — хорошенькая, пухленькая девочка с золотистыми волосами и смешными черными, слегка раскосыми глазенками.

Золото на делянке Василия выпало хорошее, и он

работал с рассвета до захода солнца. Марья хозяйничала, ходила за дровами, помогала в промывке на американке и няньчила ребенка. У якутки оказались золотые руки, и Василий крепко привязался к ней и к дочке... Девочка была единственным ребенком на прииске, и ее все любили и баловали.

Волк, идя к себе на участок, частенько делал крюк и проходил мимо избенки Василия. Марья-якутка сидела на завалинке и кормила белой полной грудью ребенка. Волк украдкой смотрел на девочку и вздыхал.

Однажды он не выдержал и подошел к ним. Девочка смотрела на него черными, не осмысленными еще глазенками и улыбнулась, сложив губки бантиком, когда он шелкнул пальцами и сказал ей:

— Угу, тпруся!

Волк долго смотрел на ребенка, потом тихо пошел к себе, сгорбившись еще более и необычно тяжело ступая.

Когда Василий узнал, что Волк подходил к ребенку, он крепко выругал Марью и запретил ей подпускать близко «чертова бирюка».

Теперь при виде Волка Марья быстро вскакивала и, испуганно прижимая к себе девочку, забегала в избу.

Волк заметил это и перестал ходить близко от Васильевой избенки, обходя ее стороной...

Однажды вечером, проходя к себе на делянку, он услышал отчаянные крики, доносившиеся издали. Кричала Марья не своим голосом. Волк прислушался. Сквозь отчаянные женские крики, зовущие на помощь, и плач ребенка слышалось какое-то странное глухое урчание.

Волк бросился к избенке.

У дверей избенки возился крупный медведь. Привлеченный запахом человека и пищи, медведь ломился в дверь, которая отчаянно тряслась и готова была сорваться с легких петель.

У Герасима не было с собой ни ружья, ни даже ножа. Бежать за оружием было поздно. Пока он вернется, медведь ворвется в избенку и зарежет женщину или ребенка.

Крики Марьи усилились. Медведь сорвал дверь. Под дверью, тщетно пытаясь удержать ее на себе, истошно вопила Марья, прижимая к себе девочку.

Герасим схватил валявшийся у изгороди кол и, не задумываясь, бросился на зверя. При виде врага медведь оставил дверь и пошел на него. Герасим попробовал отступить подальше, чтобы увести медведя от женщины и ребенка. Но медведь быстро догнал его и, поднявшись на дыбы, кинулся на него.

Герасим ударил медведя изо всей силы колом и перешиб ему лапу. Разъяренный зверь вырвал у Герасима кол, переломил пополам, обхватил врага здоровой лапой за плечи и разинул над ним клыкастую пасть, обдавая вонючим дыханием.

Герасим с мужеством отчаяния сунул в пасть медведю руку, протолкнув ее глубоко в глотку. Медведь не мог стиснуть челюстей и задыхался. Он рвал Герасиму руку клыками, давил его изо всех сил правой здоровой лапой и пытался свалить на землю.

Герасим чувствовал, что он долго не выдержит. Руку он продолжал, несмотря на страшную боль от острых клыков, просовывать как можно глубже в глотку зверю.

В момент, когда Герасим терял последние силы, с горы быстро сбежал ходивший на охоту Василий. Подбежав к борющимся человеку и зверю, Василий на расстоянии одного шага выстрелил в упор медведю в ухо «жаканом».

Медведь упал как подкошенный вместе с Герасимом, продолжая держать его судорожно сведенной лапой... Герасима освободили. Зверь сломал ему ключицу и порвал руку и плечо.

В тот же вечер Герасима отвезли на медицинский пункт в Среднекан.

* * *

В праздник все старатели, числом около сорока человек, собрались на берегу Борискина ключа. Золотая колымская осень завернулась в пурпурный плащ ягеля и стланика. Звонкую тишину долинки нарушал только серебряный звон ручья и рыбы пляски жирных хариусов, азартно шлепающихся о воду.

На лужайке, возле ручья, стояла бочка, покрытая

куском красного кумача. У бочки сидели Подпругин, Чернов и Волк. Старатели расположились прямо на траве, вокруг бочки.

— Герасим Моргунов, — говорил Чернов собранию, — есть настоящий сын рабочего класса, храбрый партизан и боец. Он не побоялся riskнуть своей жизнью для спасения нашей Валуши, — маленького несмышленого ребеночка. Что это есть? Это есть героизм! Я, товарищи, не очень говорун и скажу прямо: молодец Герасим Моргунов! И еще скажу: работаем мы плохо, плана не выполняем, золото ищем не там, где надо. А почему? Не хватает нам знаний. Нужен вам, ребята, хороший инструктор-смотритель. Смотрителем будет у вас теперь Герасим Моргунов. Вот!

Волк смущенно смотрел исподлобья на старателей. Казалось, что он сейчас вскочит из-за стола президиума и убежит в тайгу, за сопки. Подпругин, сидевший рядом с ним, из осторожности действительно слегка придерживал своей большой ладонью руку Герасима.

Но старатели, все, как один человек, повернулись к Герасиму и оглушительно начали хлопать, сложив досечками большие, корявые, натруженные ладони.

Громче всех хлопал и кричал Василий Сычев, к которому прижалась его жена, якутка Марья, державшая на руках маленькую, светлогловую, черноглазую девочку...

*

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От издательства	3
«Король»	5
Бориска и Сафи	12
Колымские следопыты	21
Учитель Варрен	29
Волк	41

Исаак Ефимович ГЕХТМАН

ЗОЛОТАЯ КОЛЫМА

Очерки о прошлом

Редактор Л. И. Юрченко.

Обложка художника Г. Г. Гвоздцевого.

Художественный редактор Н.Н. Стасевич.

Технический редактор А. И. Корсунов. Корректор М. Л. Лисичкин.

Сдано в набор 8/V-1958 г. Подписано к печати 22/V-1958 г. АХ-00705. Формат 84×108¹/₃₂. Объем 1,62 физ. печ. л., 2,66 усл. печ. л., 2,4 уч-изд. л. Заказ 1894.

Тираж 4 000. Цена 75 коп.

Магаданское книжное издательство, ул. Горького, 6.

Магаданская областная типография Управления культуры.